

В.М.Мокиенко

ЗНАЧЕНИЕ НОВГОРОДСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ ДЛЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Подчёркивается значение Новгородского областного словаря для русской и славянской диалектологии и диалектографии. Словарь является важным источником для лингвистических и лингвокультурологических исследований самого широкого профиля. Новгородский диалектный фразеологический материал может стать основой для детального описания языкового ареала как русского языка, так и более широкого пространства лингвистической Славии. Для анализа образных ресурсов русского языка новгородская фразеология также даёт очень ценные данные. Особое значение имеет новгородская фразеология для историко-этимологических исследований русской и славянской фразеологии. В статье предлагаются конкретные примеры, иллюстрирующие актуальность анализа новгородской фразеологии в указанных научных направлениях.

Ключевые слова: диалектология, диалектография, новгородские говоры, фразеология, фразеография, ареальная фразеология, историко-этимологический анализ фразеологии

Конференция, посвящённая 25-летию Новгородского областного словаря, — достойный повод для того, чтобы взглянуть на всё необъятное пространство русской диалектографии и поклониться всем, кто внёс в неё свой вклад.

И в самом деле: сейчас, пожалуй, не осталось ни одного региона России, народные говоры которого не были бы описаны и не отражены словарями. А ведь ещё до середины прошлого века, когда, например, вся германоязычная диалектная карта уже не имела лексикографических белых пятен, плоды традиционной русской диалектографии можно было пересчитать на пальцах одной руки. Конечно, великий В.И. Даль, «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1852) и дополнение к нему (1858), «Словарь областного архангельского наречия» А.О.Подвысоцкого (СПб., 1885), «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этническом применении» Г.И.Куликовского (СПб., 1898) да «Словарь уездного череповецкого говора» М.К.Герасимова (СПб., 1910)... И вдруг с 50-х годов прошлого века начала расти и география, и мощная лексикографическая база описания русских народных говоров. Теперь без преувеличения можно сказать, что эта отрасль диалектологии у нас — «впереди планеты всей», ибо число диалектных словарей уже перевалило за 100.

Причина этого небывалого роста, как известно, — в диалектологической стратегии, верно избранной нашими учителями. Работа над славянскими диалектологическими атласами, развернувшаяся после войны, потребовала консолидации сил во всей Славии. Но если большинство славянских диалектологов полностью сконцентрировали свои усилия на создании (чрезвычайно трудоёмком) атласов, у нас, в России, эта работа, благодаря поддержке Р.А.Аванесова, В.В.Виноградова, С.Б.Бернштейна, Б.А.Ларина, Ф.П.Филина и других лингвистов стала сочетаться со словарной интерпретацией полученных в поле материалов. Практически в каждом вузе русисты начали создавать свои словарные картотеки, ибо официально закреплённая учебными программами диалектологическая практика приносила новые и новые записи народной речи. Этот процесс был поддержан и Академией наук и мне, пока ещё живому свидетелю этого всеобщего сбора новых и новых языковых фактов, посчастливилось побывать во многих диалектологических экспедициях и наблюдать, как обогащались вузовские и академические картотеки и создавались такие тезаурусы, как «Словарь русских народных говоров», «Архангельский областной словарь», «Псковский областной словарь с историческими данными» или «Новгородский областной словарь», 25-летие которого мы сегодня празднуем.

Разумеется, такая работа не могла бы принести столь ощутимых успехов, если бы не было знающих, преданных делу и полных энтузиазма диалектологов и лексикографов. Перечень их имён занял бы всё время, отведённое мне для доклада. Но одно имя я здесь хочу с благодарностью вспомнить — имя моего учителя Никиты Ильича Толстого. Ведь именно в самое трудное для нашей страны и науки время — время, которое называют «лихими девяностыми», Никита Ильич смог благодаря своему авторитету добиться эффективной финансовой поддержки издания многих уже готовых диалектных словарей. Мне помнится момент, когда Н.И.Толстого избрали в академики-секретари нашей Академии и как он, сознавая, какое бремя на него ляжет из-за этой далеко не благодарной функции в столь смутное время, сказал мне: «Знаю, что это бремя. Но согласился, ибо это — Божье дело...». И Никита Ильич это Божье дело совершил. СРНГ, ПОС, АОС, словари вологодских, сибирских, смоленских, орловских и многих других говоров России своевременно получили финансовую поддержку, без которой, быть может, никогда бы и не увидели света. И «Новгородский областной словарь» был одним из них. Ведь на обложках его выпусков красуется хоть и микроскопическая, но гордая надпись: «Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (код проекта 93-06-11099). Мы, диалектологи, помним, что значила она для нашей словарной работы в те лихие времена...

Выход в свет «Новгородского областного словаря» в 13 выпусках [1], составленного под руководством В.П.Строговой коллективом опытных диалектологов, знаменовало новую эру в отечественной диалектографии.

Ведь при всей интенсивности словарного описания регионов необъятной России до начала 90-х годов прошлого века «Новгородская земля значительно отставала от других территорий в плане лексикографирования народной речи» [2, стр. VII]. Это отставание ликвидировано с появлением первого выпуска «Новгородского областного словаря», который стал, по словам А.С.Герда, «особым этапом в истории русской филологии: именно с этого словаря логически должна была бы начаться работа над всеми другими словарями Русского Севера и Северо-Запада: вряд ли можно сомневаться в том, что в говорах вокруг озера Ильмени, по Ловати, Шелони, Мсте и Волхову лежат истоки и начала народной речи всего Русского Севера и многих областей Урала и Сибири» [3, стр. 3]. Именно поэтому по инициативе С.А.Мызникова 13 выпусков Новгородского словаря спустя всего 15 лет были переизданы с дополнениями Лидии Яковлевны Петровой и Антонины Васильевны Клевцовой в академической серии «Памятники русского диалектного слова».

Новгородская русистика, как известно, является не только одним из центров диалектологии и диалектографии, но и благодаря трудам В.П. и А.В.Жуковых и их последователей давно уже стала признанным научным центром исследования фразеологии. Фразеологические конференции, организованные в Новгороде с 60-х годов и знаменитые «Жуковские чтения» значительно продвинули вперед эту молодую лингвистическую дисциплину, патриархом которой был основатель Новгородской фразеологической школы В.П.Жуков. Не случайно поэтому В.П.Строгова, Н.И.Лавров, К.В.Гарновский, Л.Н.Сергеева и коллектив составителей «Новгородского областного словаря» бережно собирали народную фразеологию и скрупулезно описывали её в словарных статьях этого диалектного тезауруса. Благодаря их усилиям новгородская диалектная фразеология органически вписалась в общую картину русской фразеологии и обозначила своё заслуженное место в целостной фразеологической системе русского языка. В 2005 году А.В.Жуков, В.И.Макаров и Л.Я.Петрова выиграли грант РГНФ (№ 06-04-46405 а/3) с проектом «Новгородская областная фразеология», центральным звеном которого стало составление Новгородского областного фразеологического словаря [4]. В словарь вошло более 2000 фразеологических единиц, выявленных в народных говорах на территории Новгородской области. На его основе создана электронная база данных по новгородской фразеологии, а Словарь представлен в Интернете на сайте НовГУ.

Для лингвистических и лингвогеографических исследований новгородский материал обеспечил точную привязку во времени и пространстве к другим фразеологическим ареалам — не только русского, но и других славянских языков. Стало возможным более детализировано исследовать фразеологическую вариантность, междиалектные и межъязыковые связи новгородских ФЕ с псковскими, вологодскими, смоленскими и т.д. Особое значение такой материал имеет для историко-этимологических и культурологических штудий, позволяющих определить общие и регионально маркированные характеристики новгородского фразеологического пространства.

В сформулированных составителями НОС «Принципах построения словаря» [1а, стр. XVI-XXVIII] чётко обозначены параметры описания фразеологического материала — его место в словаре [1а, стр. XVIII], структурно-семантические различия, способы и тип сочетаемости [1а, стр. XIX-XX], приёмы толкования фразеологических единиц [1а, стр. XXII] и др. Это облегчает читателю нахождение фразеологической единицы в словаре, сопряжение её с компонентом (обычно полнозначным), под которым она описывается, даёт информацию о вариантных и синонимических отношениях, в которые она вступает.

Для диалектологов и фразеологов материал, описанный в НОСе, представляет непреходящую ценность, ибо его можно анализировать в самых разных аспектах. Попробуем очертить некоторые из них*.

1. Анализ ареала новгородской фразеологии

При всей глубине и широте лингвогеографической разработки славянской лексики, отражённой и в многочисленных лексических атласах, подобные исследования фразеологии — скорее исключения, чем правило. Одной из немногих попыток углублённого ареального описания украинской диалектной фразеологии является докторская диссертация В.И.Лавера «Фраземика украинских диалектов карпатского региона» [5]. Фразеологические карты, начертанные им, продемонстрировали сложную картину внутри- и межъязыкового взаимодействия этой украинской диалектной зоны в зеркале фразеологии. Такой подход позволяет уточнить не только генетическую подоплёку того или иного диалектного региона, но и факты влияния других языков на его специфику.

Внимательно вчитываясь в словарные статьи НОСа с фразеологической точки зрения, можно составить некоторое представление как о собственно новгородских, достаточно уникальных устойчивых словосочетаниях, так и о взаимодействии идиоматики и паремиологии этого региона с другими диалектными зонами России. Конечно, нельзя при этом не оговорить относительности такого ареологического описания, поскольку фразеологический материал из других регионов России достаточно разнороден. Тем не менее, составленные нами сводные словари русской фразеологии и паремиологии [6, 7] и проектируемый нами «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», как кажется, дают для такого предварительного анализа более или менее достоверный материал.

* С целью экономии места многочисленные сокращения источников здесь не расшифровываются. Заинтересованный читатель найдет их в списках литературы наших словарей: Мокиенко, Никитина 2008; 2008а; 2010.

Какие же ареалогические связи обнаруживает новгородская фразеология при таком междиалектном сопоставлении?

2. Новгородские фразеологические регионализмы

Во-первых, материалы НОСа позволяют выявить немало фразеологизмов, имеющих пока лишь специфично новгородскую паспортизацию. Вот некоторые из них.

Идти / пойти амбой 'изменяться к худшему' (НОС 2010, 880); *с-под аольки* 'кое-когда, кое-как, неохотно (работать)' (НОС 2010, 3); *загнуть в аркан кого* 'замучить кого-л.' (НОС 3, 19; НОС 2010, 278); *гнилая ахада. Пренебр.* 'о человеке с плохим аппетитом' (НОС 1, 15); *строить бакулины. Неодобр.* 'шутить, острословить' (где *бакулина* — шутка, острога' — СРНГ 2, 64); *балабан неотёсанный. Пренебр.* 'глупый, несообразительный человек' (НОС 1, 26; НОС 2010, 15); *ковать балаболки. Неодобр.* 1. 'делать что-л. несущественное' (НОС 4, 64; НОС 2010, 399). 2. 'много и бестолково говорить' (НОС 2010, 399); *дать балды кому.* 'устроить скандал, повздорить с кем-л.' (Сергеева 2004, 174); *выгальть/ выгальить бебеки. Неодобр.* 'уставившись на кого-, что-л., широко раскрыть глаза' (НОС 2010, 140 — где *выгальть* — широко раскрывать, а *бебеки* — глаза); *раскусить бобину (бобинку).* 1. 'испытать горе'. 2. 'узнать что-л. о человеке, понять его сущность' (НОС 9, 103; СРНГ 34, 149; Сергеева 2004, 223; НОС 2010, 1007); *гантай (гонтай) ткать. Неодобр.* 'бездельничать' (НОС 2010, 158 где *гантай (гонтай)* — 1. Шнурок или тесемка для нательного креста. 2. Полоска ткани или тесемка для заплетания в косу вместо ленты. 3. Шнурок, тонкая веревочка. 4. Пояс, кушачок); *в дюк кому что.* 'кому-л. что-л. на пользу, в прок' (СРНГ 8, 303, где *дюк* — польза, прок); *ежи не пуцает.* 'об отсутствии аппетита у кого-л.' (СРНГ 8, 325, где *ежа* — еда, кушанье; *бульщи по ложке, а не видя ни крошки [у кого]. Неодобр.* 'о чьих-л. больших, но плохо видящих глазах' (СРНГ 3, 273, где *бульщи* — 1. Камень, булыжник. 2. Большой навыкате глаз). Ср. *выворачивать/ вывернуть бульщи. Костром.* 'выпучивать глаза, напряженно смотреть' (Ганцовская 2015, 37).

3. Новгородские ФЕ с «переключкой» в других регионах

К такого рода фразеологии можно отнести довольно большой круг устойчивых словосочетаний, где собственно новгородская ареальная зона «переключается» с другими регионами. Вот некоторые примеры этого рода.

Типична «зональная» переключка новгородских фразеологизмов с псковскими, тверскими и смоленскими: [*все*] *бебеки (бибики, пебеки, пепеки) отбить (выбить, отклась, оттрясти).* Пск. Новг., Твер. (1858). 1. *кому.* 'сильно избить, поколотить кого-л.' (Мокиенко 1990, 59; НОС 7, 109; ПОС 1, 138; ; 25, 194; СРНГ 24, 116, 204). 2. 'повредить при падении внутренние органы, отбить зад' (СРНГ 25, 348 — где *бебеки, бибики, пебеки, пепеки* — 1. Внутренности, расположенные в брюшной полости. 2. Ягодицы, зад); *отклась пепеки. Пск.* 'отбить зад при падении' (ПОС 25, 224); *отбить бобики. Новг.* 'отбить внутренние органы (напр., при падении)' (НОС 7, 39); *анчут горбатый (этакий). Бран.* 'о неприятном, вредоносном человеке' (НОС 2010, 2, где *анчут* — чёрт, нечистая сила); *анчут тебя (его и т.п.) возьми! Смол. Бран.* То же, что Чёрт тебя возьми! (Мокиенко 1986, 182); *бить балднжу. Новг., Смол.* 'проявлять крайнее возбуждение, выходить из себя; неистово кричать' (СРНГ 2, 74; НОС 1, 59; НОС 2010, 43).

При этом даже в рамках этого относительно компактного ареала могут наблюдаться семантические различия одинаковых по структуре и компонентному составу оборотов. Так, фразеологизм *кошачья гора* в новгородских и псковских говорах имеет относительно разную семантику: 1. Новг. Шутл. (1923-1928) 'русская печь' (НОС 2, 36; СРНГ 15, 139). 2. Пск. 'настил для спанья под потолком избы, полати' (ПОС 7, 90). Гораздо больший семантический «перепад» характерен для выражения *маткин берег*: 1. Новг. Ирон. (1873). 'матушкин сынок; бережёный, холёный недотрога' (СРНГ 2, 245). 2. Смол. (1914). 'высшее счастье' (СРНГ 2, 245). Оно, кстати, в разных значениях (особенно бранных) имеет широкий великорусский ареал, отражая, видимо, пространственные этапы новгородской колонизации и генетические контакты новгородцами с другими регионами России: *Маткин берег (заберег)! Кар. (Ленингр.), Курск. (1859), Перм., Пск., Селигер. Бран. Эвфем.* Выражение досады, удивления, раздражения (СРНГ 18, 32; СРГК 3, 203; ПОС 1, 173; Подюков 1989, 11; СПП 2001, 16; Селигер 2003, 1, 36).

Поиски более широких ареальных схождений могут привести и к оборотам с идентичной семантикой, но вариантным компонентным составом. Таковы, например, *пройти [все] горы и воды. Арх., Кар.* 'приобрести жизненный опыт, многое испытать' (АОС 9, 321; СРГК 5, 263) и *пройти горы и норы. Кар., Новг.* 'то же' (СРГК 4, 40; НОС 2010, 653). К таким соответствиям относятся и случаи фонетического и словообразовательного варьирования — например, *допуться до анчутков (до анчутки). Новг., Орл., Ряз., Сарат. Шутл.-ирон. или Пренебр.* 'о состоянии сильного алкогольного опьянения' (СРНГ 1, 262; СОГ-1989, 46; НОС 2010, 2) и *допуться до анчутиков. Новг.* 'то же' (НОС 2010).

Перспективной ареального исследования новгородской фразеологии являются и её более широкие связи — с диалектной украинской, белорусской, польской и другой славянской фразеологией.

Не менее важен и социолингвистический аспект новгородских ареалогических сопряжений. Вчитываясь в материалы НОСа, можно, в частности, найти немало материала для анализа источников русского современного жаргона. Так, слово *бодяга* — народное название пресноводной губки, которая использовалась для изготовления рюман. обросшее экспрессивными коннотациями в составе новгородской фразеологии, сейчас активно употребляется и носителями жаргона на широком пространстве живой русской речи:

Гнуть бодягу. Жарг. угол. ‘вести пустой разговор’ (СВЯ, 9); *заварить бодягу. Новг.* ‘затеять, начать что-л. сложное’ (НОС 3, 11; НОС 2010, 49); *заводить/завести бодягу. Жарг. угол. Неодобр.* 1. ‘говорить надоедливо, повторяя одно и то же’ (ББИ, 204; Грачев, Мокиенко 2000, 46) 2. ‘тянуть время, медлить’ (ББИ, 204). 3. ‘затеять скандал без причины’ (ТСУЖ, 59); *разводить/развести бодягу. 1. Разг. Неодобр.* ‘долго и нудно говорить об одном и том же’ (ББИ, 201). 2. *Жарг. угол.* ‘сбивать кого-л. с толку долгими, нудными разговорами’ (ББИ, 204). 3. *Разг. Неодобр.* ‘тянуть время, медлить, занимаясь пустяками’ (ББИ, 204; БМС 1998, 52; Мокиенко 1990, 65; Грачев, Мокиенко 2000, 46). 4. *Разг.* ‘балагурить, шутить’ (БМС 1998, 52). 5. *Жарг. угол. Неодобр.* ‘говорить вздор, лгать’ (ББИ, 204). 6. *Жарг. угол.* ‘затеять ссору, драку’ (ББИ, 204); *тянуть бодягу. Прост.* ‘то же, что разводить бодягу 1’, 3.

4. Анализ образности новгородской фразеологии

Особое внимание в этом аспекте следует уделить тем фразеологизмам, в составе которых имеются диалектные лексемы, требующие специального комментария. Таковы, например: *сложить губы сковородником* ‘обидеться, рассердиться, надуться’ (НОС 2010, 1094 — где *сковородник* — сковорода без ручки); *в гаманке жёл у кого. новг. ирон.* (1910) ‘об отсутствии денег у кого-л.’ (СРНГ 9, 100 — где *гаманок* — кожаный мешочек для денег, табака и т. п., который носят на шнурке или узком ремешке обычно на шее, а *жёл* — нуль, ничего); *глаза попонкой завернуты у кого.* 1. ‘об ослепшем человеке’. 2. *Неодобр.* ‘о бессовестном человеке’. 3. *Неодобр.* ‘о непонятливом, не воспринимающем чего-л. человеке’ (НОС 3, 12); *завернуть (звесить, задёрнуть) глаза попонкой.* 1. ‘ослепнуть’. 2. ‘потерять стыд’. 3. ‘плохо воспринимать окружающее, не видеть чего-л. очевидного’ (НОС 2010, 789 — где *попонка* — перепонка, тонкая пленка).

Особое внимание в этом аспекте следует уделить тем фразеологизмам, в составе которых имеются диалектные лексемы, требующие специального комментария. Таковы, например: *сложить губы сковородником* ‘обидеться, рассердиться, надуться’ (НОС 2010, 1094 — где *сковородник* — сковорода без ручки); *в гаманке жёл у кого. Ирон.* (1910) ‘об отсутствии денег у кого-л.’ (СРНГ 9, 100 — где *гаманок* — кожаный мешочек для денег, табака и т. п., который носят на шнурке или узком ремешке обычно на шее, а *жёл* — нуль, ничего); *глаза попонкой завернуты у кого.* 1. ‘об ослепшем человеке’. 2. *Неодобр.* ‘о бессовестном человеке’. 3. *Неодобр.* ‘о непонятливом, не воспринимающем чего-л. человеке’ (НОС 3, 12); *завернуть (звесить, задёрнуть) глаза попонкой.* 1. ‘ослепнуть’. 2. ‘потерять стыд’. 3. ‘плохо воспринимать окружающее, не видеть чего-л. очевидного’ (НОС 2010, 789 — где *попонка* — перепонка, тонкая пленка).

Немало и новгородских выражений, в состав которых входят компоненты-диалектизмы, обозначающие не специфические для крестьянского быта реалии, а адекватные по семантике общелитературной лексике, но маркированные региональными номинантами ср.: *веха озёрная. Шутл.-ирон.* ‘о высоком, худом человеке; коломенская верста’ (НОС 1, 121; НОС 2010, 106); *голинская веха. Шутл.-ирон.* ‘то же’ (НОС 2, 24 — где *веха* — 1. Побег молодого растения. 2. Человек высокого роста).

Прозрачную образность имеют и многие шутливо-иронические фразеологизмы — особенно такие, которые образованы по фольклорной «формуле невозможного»: *ходить по липовой дороге с берёзовым паспортом* ‘бродяжничать, нищенствовать’ (СРНГ 39, 199); *вить/свить верёвочку с песочку. Неодобр.* ‘бездельничать; пустословить; сплетничать’ (СРНГ 26, 306); *между глаз нос унесёт.* (1906) ‘о ловком воре’ (СРНГ 47, 223); *промеж двух глаз нос стилизуть* (1852) ‘то же’ (СРНГ 41, 158 — где *стилизуть* — украсть); *сопрёт (упрёт) с (меж, между) глаз нос. Ирон.* ‘то же’ (НОС 2010, 1126; *между глаз нос упрёт (утрёт)* (1995) ‘о ловком, хитром человеке’ (НОС 11, 93; СРНГ 47, 246).

Близки к ним и народные шутливые выражения, характеризующие разные физические или психические недостатки человека: *хоть блох на животе (на пузе) бей у кого* ‘о здоровом, сытом, плотно набившем живот человеке’ (НОС 12, 23; НОС 2010, 44); *хоть вошь на брюхе бей у кого. Шутл.* ‘об очень полном человеке’ (Сергеева 2004, 202); *ещё вошь не кусала кого. Новг.* ‘о неопытном, не знающем жизни человеке’ (НОС 1, 140; НОС 2010, 131); *винтох не довинчен у кого. Ирон.* ‘о слабоумном, глупом человеке; о человеке со странностями’ (НОС 1, 127; НОС 2010, 114); *дырявый горшок. Пренебр.* О человеке с плохой памятью. (НОС 2, 51; НОС 2010, 186).

5. Анализ культурологического фона новгородской фразеологии

Новгородская фразеология впитала в себя и многослойную народную культуру — как бытовую, так и духовную. Именно поэтому, комментируя то или иное выражение, исследователь разворачивает перед читателям многовековой культурологический палимпсест. Во несколько примеров ярких отпечатков такого рода:

Гуца новгородская; новгородская гуца. Шутл. 'о местных жителях — из-за пристрастия их к гуце — щам с ячменной крупой: прозвище жителей Великого Новгорода и области. (СРНГ 7, 250; НОС 2010, 205); *Вербница свернётся*. 1. (1910). 'о перемене погоды с Вербной недели'. 2. (1897). 'о сохранении погоды Вербного воскресенья и в последующее (определённое) воскресенье' (СРНГ 4, 122).

Народная культура, как известно, часто «замешана» на культуре крестьянского быта. Бытовые, обыденные предметы и реалии в ней обрастают мифологическими и символическими коннотациями, представляя нерасторжимый симбиоз. Характерный пример — фразеология, характеризующая такие явления, как отказ невесты сватам от претендента на её руку, измену в любви и нарушение супружеской верности. Типологически формулы отказа, например, являются общими для европейской культуры — ср., например, нем *einen Korb geben*, исп. *dar una calabasa*, чеш. *dát koša*, укр. *дати гарбуза* и под., которые имеют сходную семиотическую подоплёку, хотя предметы, выражающие отказ, различны: «корзина», «тыква» и др. Украинский оборот связан с обычаем отказа от сватовства, при котором девушка, к которой сватались, подавала на закуску к водке, принесённой сватом, вместо буханки хлеба (или хлеба с солью — как символ согласия на брак) обыкновенную тыкву. Этот обычай, широко распространённый среди украинского крестьянства, был столь популярен, что его переняла даже часть польской шляхты и жители некоторых белорусских и южнорусских регионов (Воронежской, Кубанской, Ставропольской обл.). [8, с. 60-70].

Продолжение этого семиотико-культурологического ряда находим и в Новгородском ареале — ср. *хлебать грибы. Ирон.* 'переживать измену в любви' (НОС 2010, 1247); *получить блин. Шутл.* 1. 'получить отказ при сватовстве' (НОС 8, 99; НОС 2010, 894). 2. 'испытать измену в любви' (Сергеева 2004, 237; НОС 2010, 894). 3. 'быть побитым' (НОС 2010, 894); *прокатить на венике кого. Шутл.-ирон.* 'изменить кому-л., нарушить верность в любви' (Сергеева 2004, 237; НОС 2010, 97). 2. 'наказать, образумить кого-л.' (Сергеева 2004, 47); *навязать веников кому. Шутл.* 'изменить кому-л. в любви, нарушить супружескую верность' (Сергеева 2004, 236); *прокатить на вересине кого. Шутл.-ирон.* 1. 'изменить девушке, покинуть её ради другой' (НОС 1, 113; НОС 2010, 97). 2. 'нарушить супружескую верность' (Сергеева 2004, 237); *затащить борону на крышу. Шутл.* 'изменить кому-л. в любви, нарушить супружескую верность' (Сергеева 2004, 236; НОС 2010, 320); *собирать головешки. Шутл.-ирон.* (1995). 1. 'целоваться' (НОС 2010, 173). 2. 'терпеть измену в любви' (Сергеева 2004, 241). 3. 'изменять в любви' (СРНГ 39, 159); *бегать головешкой.* (1858). 'ловить друг друга' (СРНГ 2, 169); *ехать с головешкой. Пск. Шутл.-ирон.* 'получить отказ при сватовстве' (ПОС 10, 139); *давать/дать головешку кому. Пск.* (1962). 'отказывать жениху при сватовстве' (СРНГ 6, 304; 7, 256; ПОС 7, 58); *получить головешку* 'пережить измену в любви' (Сергеева 2004, 237); *съесть головешку. Шутл.-ирон.* 'то же, что ехать с головешкой' (НОС 11, 16; НОС 2010, 173; СРНГ 43, 108). Ср. новг. *собирать головешки* — игра на вечеринке, при которой парни целуются с девушками.

6. Историко-этимологический анализ новгородской фразеологии на общерусском и славянском фоне

Ареальное описание диалектной фразеологии, детализированная характеристика её образности и культурологического фона позволяет приблизиться к решению одной из наименее разработанных задач славянской фразеологии — её историко-этимологическому анализу, построенному на лингвистической методике структурно-семантического моделирования [9]. И здесь накопленный новгородскими диалектологами материал может, в силу своей детализированной вариантности, дать убедительные аргументы в пользу той или иной расшифровки внутренней формы фразеологизма.

Так, просторечное ироническое выражение *наговорить (насказать) сорок бочек арестантов* 'очень много нарасказать о чём-л. неправдоподобном; наговорить с три короба' никак логически не объяснимо на основе общеизвестной лексемы *арестант* 'человек, находящийся в заключении, колодник'. В составе фразеологизма оно, как мы предположили, имеет особое значение — 'мелкая сушёная рыба', записанное Г.И.Куликовским в олонечских говорах. Этимологически оно, видимо, близко к рыбацким словам *арестега, аротега, оростега, оростига, оростяга*, которые широко известны в архангельских говорах в значении «тонкая верёвочка с крючком на конце, прикреплённая к длинной веревке и используемая для ловли рыбы на леску». Слово *арестант*, видимо, первоначально означало «рыбёшку, пойманную на арестегу», совмещая с этимологическим и обычное значение слова *арестант* — «заключённый». *Наговорить сорок бочек арестантов*, следовательно, — рыбацкая шутка, первоначально означавшая 'нарасказать всяких небылиц о якобы огромном улове'. [10, с. 64]. Такую исходную мотивировку подтверждают северорусский ареал и материалы новгородских и генетически близких к ним говоров: *наплановать семь бочек арестантов. Новосиб. Ирон.* (1978). 'то же' (СРНГ 20, 78; 37, 158); *наговорить (расказать) бочку арестанта. Арх., Башк., Кар. (Ленингр.). Ирон.* 'то же' (АОС 2, 97; СРГБ 1, 51; СРГК 1, 22); *наговорить (наболтать) бочку (кучу, мерку) арестантов кому. Волг., Новг., Пск. Ирон.* 'то же' (ПОС 2, 136; 16, 441; СПП 2001, 19, 48; НОС 2010, 66); *набаробошить арестантов кому. Пск. Ирон.* 'то же' (ПОС 19, 196); *наговорить бочку рестантов (рестанцев) кому. Пск. Ирон.* 'то же' (ПОС 19, 324); *намолоть бочку (шайку) арестантов. Кар. (Арх.). Ирон.* 'то же' (СРГК 1, 22); *наговорить вагон арестантов. Новг. Неодобр.* 'то же' (НОС 2010, 66); *насулить бочку арестантов. Ленингр., Пск. Ирон.* 'наобещать кому-л. что-л. невыполнимое' (Соловьева 2001, 79).

Точно вписывается в подобную структурно-семантическую модель фразеологизмов с близкой иронической семантикой и новг. *наговорить (намолоть, насадить) журава (журавов) на сосну. Новг. Ирон.* 1.

‘много и не по делу наговорить. 2. наговорить много, скрывая суть сказанного, обманывая’ (НОС 2010, 263); *наобещать (насулить) журава (журавов) на сосну. Новгород. Ирон.* ‘много наобещать и не выполнить’ (НОС 2010, 263). Ср. диал. *наскзать воробья на сосне* ‘рассказать что-л. невероятное, абсолютно неправдоподобное’. Выражение зафиксировано в XVIII в. и образовано как оксюморон, в котором соединяются несоединимые в реальности факты: воробьи и журавли никогда не садятся на сосну. Эта фразеологическая модель активна и в восточнославянских языках, образуя даже контаминацию «орнитологической» и дендрологической» модели формулы невозможного в оборотах типа *сказать журавля на сосне, [а на вербе грушу]*. [11, с. 89].

Убедительные аргументы предоставляет новгородский материал и в случае этимологической расшифровки одного из доминантных фразеологических символов безделья — *бить баклуши*. Со времён В.И.Даля, как известно, слово *баклуша* объясняют на основе нижегородского значения этой лексемы, маркированной культурологически. Оно связывается с кустарным промыслом, распространённым в бывшей Нижегородской губ. Там изготовлялись деревянные ложки, чашки и другая посуда. Отколотые от полена чурки, заготовки для такой посуды, назывались в говорах баклушами. Переносное значение объясняется тем, что изготовление баклуш считалось в народе легким, не требующим усилий и умения делом. И баклуша сама по себе вещь ничтожная — отсюда ассоциации с пустяковым занятием. Это историко-этимологическое толкование повторяется многими этимологами и этнографами (см. полный свод литературы: [100, с. 40-41]. Наличие вариативности субстантивного компонента этого выражения в диалектах восточнославянских и западнославянских языков, а также параллелей в балтийских языках (напр., бел. *бібікі біць*, укр. *бити байдики*, пол. *zbijać bąki*, лит. *dinderi mušti* и др.) позволяет объяснить внутреннюю форму этого оборота принципиально иначе: на основе «игровой» модели, когда битой сбиваются более короткие чурки — *баклуши*. Новгородский материал также подтверждает такую расшифровку — ср.: *бить брынды. Волг., Новгород, Пск., Смол.* (1852), Южн., Зап., *Неодобр.* ‘бездельничать, праздно проводить время, уклоняясь от работы’ (СРНГ 3, 219; Мокиенко 1990, 69; НОС 1, 58; НОС 2010, 43; ПОС 2, 18); *бить лынды; лынды бить. Неодобр.* 1. *Брян., Волг., Курск.* (1858), *Латв. ССР, Лит. ССР, Новгород, Одесск., Пск.* (1904-1918), *Селигер., Смол.* ‘бездельничать’ (СБГ 1, 55; Глухов 1988, 3; Мокиенко 1990, 69; СРНГ 32, 5. НОС 1, 58; НОС 2010, 43; СПП 2001, 50; Селигер 2003, 1, 44; 2007, 3, 236); *лындать лынды. Орл. Неодобр.* (1904). ‘вести праздный образ жизни’ (СРНГ 17, 222); *продавать лынды. Орл. Неодобр.* ‘то же’ (СОГ-1994, 83) и др.

Как видим, диалектная фразеология, собранная усилиями новгородских диалектологов и фразеологов, представляет бесценный материал для изучения закономерностей живой народной речи. Её образность, культурологический потенциал и ареалогическая «дальнобойность» отражают генезис и историю одного из самых значимых регионов зарождения русской народности.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01062).

1. Новгородский областной словарь / Сост. В.П.Строгова, А.В.Клевцова, Л.Я.Петрова и др.; отв. ред. В.П.Строгова. Вып. 1-13. Новгород, 1992-1999; Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. иссл. РАН; изд. подгот. А.Н.Левичкин и А.А.Мызников. СПб.: Наука, 2010. XXVII, 1435 с. (В тексте даётся также в сокращениях: НОС 1-13 и НОС 2010)
2. Мызников С.А. От председателя редколлегии серии «Памятники русского диалектного слова» // НОС 2010, VII.
3. Герд А.С. Предисловие к НОС 1992, 1 [1]. С. 3.
4. Новгородский областной фразеологический словарь [Электр. ресурс]. Сост.: А.В.Жуков, В.И.Макаров, Л.Я.Петрова. URL: // <http://www.novsu.ru/pl/database/> (дата обращения: 01.04.2017).
5. Лавер В.И. Фраземика украинских диалектов карпатского региона. Киев, 1992. 50 с.
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / Под общей редакцией проф. В.М.Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / Под общей редакцией проф. В. М. Мокиенко. М.: «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.
8. Мокиенко В.М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1985. S. 55-71.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: «Высшая школа», 1989. 287 с.
10. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А.Ларина; под ред. В.М.Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
11. Мокиенко В.А., Мокиенко В.М. Из этимологии фразеологических диалектизм (пск. сказать журавля на сосне, а на вербе грушу в зеркале славянских соответствий) // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект): Межвузовский сб. научн. тр. Псков, 1995. С. 88-97.

References

1. Novgorodskiy oblastnoy slovar' / Sost. V.P.Strogova, A.V.Klevtsova, L.Ya.Petrova i dr.; otv. red. V.P.Strogova. Vyp. 1-13. Novgorod, 1992-1999; Novgorodskiy oblastnoy slovar' / In-t lingv. issl. RAN; izd. podgot. A.N.Levichkin i A.A.Myznikov. SPb.: Nauka, 2010. XXVII, 1435 s. (V tekste daetsya takzhe v sokrashcheniyakh: NOS 1-13 i NOS 2010)
2. Myznikov S.A. Ot predsedatelya redkollegii serii «Pamyatniki russkogo dialektного slova» // NOS 2010, VII.
3. Gerd A.S. Predislovie k NOS 1992, 1 [1]. S. 3.
4. Novgorodskiy oblastnoy frazeologicheskij slovar' [Elektr. resurs]. Sost.: A.V.Zhukov, V.I.Makarov, L.Ya.Petrova. URL: // <http://www.novsu.ru/pl/database/> (data obrashcheniya: 01.04.2017).
5. Laver V.I. Frazemika ukrainiskikh dialektov karpatskogo regiona. Kiev, 1992. 50 s.
6. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok. Bolee 40 000 obraznykh vyrazheniy / Pod obshchey redaktsiey prof. V.M.Mokienko. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2008. 784 s.

7. Mokienko V.M., Nikitina T.G., Nikolaeva E.K. Bol'shoy slovar' russkikh poslovits. Okolo 70 000 poslovits / Pod obshchey redaktsiey prof. V. M. Mokienko. M.: «OLMA Media Grupp», 2010. 1024 s.
8. Mokienko V.M. K razgranicheniyu geneticheskikh i tipologicheskikh svyazey slavyanskoy pogovorki // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1985. S. 55-71.
9. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya. 2-e izd., ispr. i dop. M.: «Vysshaya shkola», 1989. 287 s.
10. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. Okolo 6000 frazeologizmov. / SPbGU: Mezhhafedral'nyy slovarnyy kabinet im. B.A.Larina; pod red. V.M.Mokienko. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Astrel': AST: Lyuks, 2005. 926 s.
11. Mokienko V.A., Mokienko V.M. Iz etimologii frazeologicheskikh dialektizmov (psk. skazat' zhuravlya na sosne, a na verbe grushu v zerkale slavyanskikh sootvetstviy) // Pskovskie govory i ikh nositeli (lingvo-etnograficheskiy aspekt): Mezhvuzovskiy sb. nauchn. tr. Pskov, 1995. S. 88-97.

Mokienko V.M. The value of Novgorod phraseology for Russian dialectal phraseography. The article emphasizes the significance of the Novgorod Regional Dictionary for Russian and Slavic dialectology and dialectography. The dictionary is an important source for linguistic and linguocultural studies of a wide range. Novgorod dialect phraseological material can be the basis for a detailed description of the linguistic range of both the Russian language and the wider space of linguistic Slavia. For the analysis of figurative resources of the Russian language, Novgorod phraseology also provides very valuable data. Of particular importance is the Novgorod phraseology for historical and etymological studies of Russian and Slavic phraseology. The article offers specific examples illustrating the relevance of the analysis of Novgorod phraseology in these scientific areas.

Keywords: dialectology, dialectography, Novgorod dialects, phraseology, phraseology, areal phraseology, historical and etymological analysis of phraseology.

Сведения об авторах. В.М.Мокиенко — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; mokienko40@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 15.05.2017.